

В.С. Рабинович (Екатеринбург)

Образ России в творчестве О. Хаксли

Постольку поскольку образ мира по Хаксли был изначально «мультикультурным», вмещающим в себя сложный диалог различных национальных образов мира, Россия занимала в этом образе мира не главенствующее, однако достойное место.

Особое место в творчестве Хаксли занимала классическая русская литература, причём, в силу «идеологичности» творчества Хаксли, оно изначально было интертекстуально «валентным» по отношению к творчеству Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Примечательно, что после пожара 1961 года, уничтожившего дом Хаксли вместе с уникальной библиотекой, Хаксли просил друзей выслать ему в числе жизненно необходимых книг романы Ф.М. Достоевского, а также «Войну и мир», «Анну Каренину» и рассказы Л.Н. Толстого.

Разумеется, в ходе эволюции образа мира по Хаксли менялось и его отношение к их взглядам и творчеству. Например, в рамках «абсолютного сомнения» Хаксли 1920-х годов, при всём почтении Хаксли к Л.Н. Толстому, его категоричность и непримиримость, его «монолизм» и морализаторство не могли не вызывать отторжения Хаксли, и, например, лицемерный моралист Барлеп из романа «Контрапункт» выведен как поклонник Льва Толстого. По мере формирования «положительной программы» О. Хаксли, включающей в себя и многие ценности из «толстовской» парадигмы, прежде всего – пацифистского характера, Л.Н. Толстой преобразовался для Хаксли из просто значимой фигуры мировой

литературы в своеобразного духовного Учителя (хотя «толстовцем» в традиционном смысле слова Хаксли не был). Так, в своём письме К. Робертс от 1 октября 1932 г. Хаксли с восхищением пишет о пророческом даре Л. Толстого, словно бы предвидевшего фашизм: «И каким замечательным комментарием к фигуре Муссолини стали его [Л.Н. Толстого] замечания о Наполеоне [подразумевается роман «Война и мир». – В.Р.]. Вся эта глупая, чуждая реальности риторика фашизма блестяще выявлена Толстым в её ранних и различных проявлениях» [3, с. 363]. Впоследствии «толстовский» смыслы будут занимать в творчестве Хаксли весьма существенное место.

Особое место в творчестве Хаксли занимает фигура Достоевского. Несколько удивляет, что в 943 опубликованных письмах Хаксли Достоевский упоминается всего 8 раз, причём – чаще всего в рамках иронических комментариев, и лишь в редких случаях – в контексте серьёзного анализа тех или иных культурных феноменов. Так, в письме отцу от 25 января 1924 г. Хаксли, критически анализируя творчество Бальзака, пишет: «Какая поразительная разница между ним – и по-настоящему великим романистом, вроде Достоевского или Толстого» [3, с. 226]. В письме к Розалии Хаксли, датированном 30 ноября 1936 г., писатель иллюстрирует, в том числе и творчеством Достоевского, свой тезис об отсутствии в художественной литературе «абсолютно здоровых и абсолютно взрослых положительных героев» [3, с. 409], имея в виду, в частности, инфантилизм положительных героев Диккенса и эпилепсию «Достоевского» князя Мышкина. В других случаях упоминания Достоевского в письмах Хаксли достаточно случайны и в общем контексте – «факультативны». Примечательны на фоне всего восьми упоминаний Достоевского в письмах Хаксли 13 упоминаний Бальзака, 17 – Диккенса, 18 – Б. Рассела, более 60 – Д.-Г. Лоуренса.

Значительно более очевиден «Достоевский» субстрат собственно в художественных текстах Хаксли. В произведениях Хаксли многократно появляются «Достоевские» смыслы (на уровне прямых упоминаний или же явных аллюзий) – в романах «Шутовской хоровод», «Контрапункт», «Эти бесплодные листья» и др. Так, один из героев-идеологов из романа Хаксли «Контрапункт» (1928), Марк Рэмпион, замечает: «Смейтесь, смейтесь, дружище Достоевский, но разрешите Вам сказать, что настоящим идиллотом

следует назвать не Мышкина, а Ставрогина... Он неизмеримо более извращён» [5, с. 419], и он же называет другого героя, Спендрелла, «маленьким Ставрогиным» [5, с. 419].

Порой (например, в романах «Эти бесплодные листья» и «Контрапункт») Хаксли испытывает своих героев откровенно «Достоевскими» ситуациями – причём осознаваемыми как «Достоевские». Так, например, «высоколобый» герой романа «Эти бесплодные листья» (1927), мистер Кардан, решаясь на самоотверженный шаг, рассуждает при этом: «Не будет ли это чересчур по-русски? Чересчур по-ставрогински?» [1, с. 228]. Мистер Венхем из пьесы Хаксли «Мир света» (1931), оказавшийся перед мучительным выбором – огласить познанную им правду, которая перечеркивает содержание написанной им книги, а значит – и его собственную репутацию, или же этого не делать, в конечном итоге принимает решение – явно «по Достоевскому» – именно «принять страдание» [2, с. 24].

Очевидно, роднит Хаксли (прежде всего – «раннего» Хаксли) и Достоевского тот «полифонический» образ мира, который детально проанализировал именно применительно к Достоевскому М.М. Бахтин [4]. Пожалуй, полифонизм Хаксли, в чьём мире, по замечанию «автобиографического героя» Филиппа Куорлза из «Контрапункта», «все одинаково правы и одинаково не правы, и никто из них не слушает остальных» [5, с. 35], более последователен, нежели полифонизм Достоевского, в чьём художественном мире над множеством относительно равноправных «голосов» всё же возвышается заведомо авторский «перст указующий». Так или иначе, но в силу определённого родства художественных миров Хаксли и Достоевского именно в «полифоническом» аспекте можно говорить и о родственности образных систем: существует безусловная корреляция между «мыслителями» Достоевского – и «высоколобыми» героями Хаксли, между «хакслианскими» и «Достоевскими» энтузиастами, свято убеждёнными в истинности той или иной идеи, наконец – между «оппонентами Добра» Колмэном и Спендреллом у Хаксли – и Ставрогиным у Достоевского.

«Внелитературная» Россия для Хаксли как мыслителя и писателя было во многом редуцирована до современной Хаксли действительности. Хаксли не разделял ни характерного для левых интеллектуалов (со многими из которых он был в дружеских

отношениях) преклонения перед Советским Союзом как родиной коммунистического эксперимента, ни «правого» противопоставления «доброго» Запада и «злого» коммунистического Востока. Антиутопический мир из романа Хаксли «О дивный новый мир» базируется на своеобразном синтезе ценностей западного «общества потребления» и советской коммунистической идеологии (примечательно, что в этом мире канонизированы обитатели и «западного» – и советского «пантеонов», в частности от «Запада» – Форд и Фрейд, от «Востока» (в советском смысле этого слова) – Маркс и Ленин); в антиутопии Хаксли «Обезьяна и сущность» (1948) ответственными за развязывание новой мировой войны, уничтожившей цивилизацию, оказываются в равной мере и Запад, и Советский Союз: с обеих сторон эйнштейнов тащат к приборным панелям «обезьяны в сапогах, отвечающие за запас гениев в каждой армии» [6, с. 516] – и в американской, и в советской. В свою очередь, в последнем романе Хаксли – его утопии «Остров» (1962) «западное» и «коммунистическое» толкования предназначения человека представляют как равно ущербные на фоне обрётённой Хаксли «положительной программы». Так или иначе, но советская модель мироустройства была для Хаксли лишь одной из «неправильных», тупиковых моделей мироустройства, которым О. Хаксли в конечном итоге противопоставил собственную модель.

Литература

1. Huxley A. Those Barren Leaves. L.: Paris, 1947.
2. Huxley A. The World of Light // Huxley A. Verses & Comedy. L.: Chatto & Windus. 1946.
3. Letters of Aldous Huxley. L.: Grover Smith. 1969.
4. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель. 1963.
5. Хаксли О. Контрапункт. М.: Гослитиздат. 1936.
6. Хаксли О. Обезьяна и сущность // Утопия и антиутопия XX века. Вып. 1. М.: Прогресс, 1990.